

сается статьи «Ὁρθόγραφία» (стр. 561—654), то мы воздерживаемся от сужденія, думая, что рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ правильнѣе всего предоставить самимъ грекамъ. Лишь относительно акцентовки позволимъ себѣ высказать скромное мнѣніе: безъ сомнѣнія удобнѣе упразднить циркумфлексъ и писать одинъ акутъ, чѣмъ принять сложную систему, предлагаемую авторомъ (617—630).—Резюмируя сказанное, замѣтимъ, что новый сборникъ Хаджидакиса, несмотря на отмѣченныя здѣсь неточности, вполне отвѣчаетъ своему назначенію и обеспечиваетъ автору благодарность всѣхъ, кто интересуется исторіей позднѣйшаго греческаго языка. Можно только надѣяться, чтобы за этимъ первымъ томомъ статей извѣстнаго лингвиста поскорѣе послѣдовали дальнѣйшіе сборники замѣчательныхъ его статей.

М. Фасмеръ.

Г. Ν. Χατζιδάκις. *Die Sprachfrage in Griechenland*. Athen, Sakellarios 1905, 144 стр., 8° (Βιβλιοθήκη Μαρσαλῆ № 305).

Языковой вопросъ уже нѣсколько лѣтъ раздѣляетъ греческихъ литераторовъ и ученыхъ на два враждебныхъ лагеря. Съ одной стороны — защитники литературнаго языка (καθαρεύουσα), языка, полного анахронизмовъ и архаизмовъ, т. е. формъ разныхъ періодовъ, съ другой — сторонники народнаго языка, обладающаго скромной литературой, но болѣе жизнеспособнаго, живущаго въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ говоровъ. Симпатіи лингвистовъ, занимающихся изученіемъ новогреческаго языка, вполне естественно — на сторонѣ «народниковъ», стремящихся вытѣснить архаизующій книжный языкъ, и замѣнить его народнымъ. Въ дѣйствительности вопросъ о языкѣ не можетъ быть рѣшенъ такъ скоро, какъ стараются это сдѣлать приверженцы обѣихъ партій; не рѣшенъ онъ и авторомъ той книги, заглавіе которой выписано выше, и много лѣтъ, вѣроятно, пройдетъ до окончательнаго его рѣшенія. Но отъ лингвиста, грека по происхожденію, пользующагося авторитетомъ у себя на родинѣ, мы ожидали бы по возможности безпристрастнаго изложенія современнаго состоянія вопроса о языкѣ, за которымъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ съ такимъ интересомъ слѣдитъ весь лингвистическій міръ: вѣдь дѣло касается вопроса объ *образованіи литературнаго языка*, въ высшей степени интереснаго для общей лингвистики. Къ сожалѣнію, *безпристрастнаго изложенія* мы не находимъ въ книгѣ аѳинскаго профессора; не находимъ, — потому, что онъ самъ принадлежитъ къ одной изъ враждующихъ партій. Кто, подобно референту, цѣнить научныя заслуги X—а, тому печально видѣть его среди защитниковъ обреченной на смерть *καθαρεύουσα*. Уже рѣзкія нападенія на сторонниковъ народнаго языка (напр. стр. 9, 20; 18, 12 сл.; 103, 29 п. т. п.) указываютъ на то, что авторъ затрагиваетъ вопросъ, въ высшей степени близкій

и непріятный ему. Націоналистическія воззрѣнія автора (стр. 103, 111 и проч.) объясняютъ намъ причину недружелюбнаго его отношенія къ народному лагерю. Авторъ слишкомъ гордится своимъ происхожденіемъ отъ «древнихъ грековъ» (см. стр. 7, 3 сл.; 29, 29; 86, 5 сл. и проч.) и, указывая на *своеобразную непрерывную* культуру грековъ, съ которой, по его мнѣнію, необходимо подробнѣйшимъ образомъ ознакомиться, чтобы понять исторію греческаго литературнаго языка, — позволяетъ себѣ называть «варварами» (стр. 103) арабовъ, армянъ, турокъ, сирійцевъ, индійцевъ и славянъ. Подобнаго рода выходки не простительны всякому болѣе или менѣе образованному человѣку, но тѣмъ паче мастеру лингвистики, Г. Н. Хаджидакису. Таково уваженіе его къ народамъ Востока, не смотря на то, что данныя языка, ему, разумѣется, хорошо извѣстныя, лучше всего показываютъ, чѣмъ обязаны древніе греки семитическимъ народамъ и древнимъ индійцамъ. Тѣмъ же «патріотизмомъ» продиктованы слова: «когда языкъ остается необработаннымъ, когда на немъ не написаны великія литературныя произведенія, то ни слова, ни формы его не пріобрѣтаютъ авторитетности и поэтому легко подвергаются измѣненіямъ. Но разъ существуютъ великіе, священные для народа литературные памятники, то слова ихъ, формы, выраженія, орфографія и проч., такъ сказать, санкціонируются и сохраняются безъ измѣненія. Вотъ почему орфографія, формы и проч. нѣмецкаго (!), русскаго (!) и другихъ языковъ часто измѣнялись, а въ греческомъ языкѣ сохранялись безъ измѣненія» (стр. 29 сл.).— Можно простить нашему лингвисту незнакомство съ русскою литературой: русскій языкъ на западѣ не пользуется особеннымъ распространеніемъ, а переводы произведеній русской литературы на иностранные языки начались сравнительно недавно; но нельзя не удивиться его сужденію о нѣмецкой литературѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ получилъ свое образованіе именно въ Германіи. — Намъ кажется, авторъ въ этомъ трудѣ даже обнаруживаетъ общелингвистическія воззрѣнія, которыхъ никто не ожидалъ отъ столь виднаго языковѣда; слова: *новогреческій народный языкъ такимъ образомъ съ одной стороны развился, или вѣрнѣе выродился во множество различныхъ говоровъ, съ другой же — объединялъ въ отношеніи отпѣтковыхъ значеній словъ* — являются рѣзкимъ противорѣчіемъ тому энтузіазму къ новогреческимъ говорамъ, который такъ пріятно дѣйствовалъ на читателей въ прежнихъ трудахъ нашего ученаго. Чтобы убѣдиться въ ложности его воззрѣній, достаточно обратить вниманіе на замѣтку G. Meyer'a Neugr. St. III 66 sq. по поводу напр. слова τροῦλλα, изслѣдование J. Schmitt'a Myrolog, IF XII, 6—13, Diels'a Elementum 50—57, J. Schmitt'a Ῥιζιχόν—risico, Miscellanea linguistica in onore di G. Ascoli p. 389—402. Здѣсь во всей прелести обнаруживается семасіологическое богатство новогреческаго народнаго языка.— Очевидно авторъ не даетъ себѣ отчета въ томъ, что *богатство языка заключается въ разнообразіи его говоровъ*. — Стараясь доказать, что всѣ

литературные языки Европы отличаются отъ нарѣчій, какъ греческая *κλ-ἄρσεβουσα* отъ народнаго языка, Хаджидакисъ (стр. 27) впадаетъ въ другую грубую ошибку: онъ не замѣчаетъ, что слова *penser, respecter, assenter* и проч. являются такими же латинскими заимствованіями во французскомъ языкѣ, какъ—*градъ, вращать, гражданинъ, между* и проч.—въ русскомъ языкѣ представляютъ собою церковно-славянскіе элементы. Въ греческомъ же литературномъ языкѣ слова съ сочетаніями *χθ, φθ, κτ, πτ, σθ, σχ, π* проч. настолько многочисленны, что скорѣе уже приходится говорить о небывалыхъ въ другихъ языковыхъ областяхъ заимствованіяхъ *народныхъ словъ* въ литературный языкъ, къ которымъ слѣдуетъ причислять слова съ сочетаніями *χτ, φτ, στ, σκ* и проч., получившимися на почвѣ народнаго языка изъ указанныхъ выше сочетаній «классическаго» языка, традиционно сохраняемыхъ литературной рѣчью. — Еще болѣе насъ поражаетъ другая ошибка автора: онъ отрицаетъ существованіе общегреческаго народнаго языка (45 сл.) и признаетъ существованіе однихъ этихъ «испорченныхъ» говоровъ, не обращая вниманія на то, что «общій разговорный языкъ» вездѣ является абстракціей и, въ сущности, нигдѣ не существуетъ въ такомъ стереотипномъ видѣ (см. Sievers Phonetik⁵ 5 сл.). Но что въ этомъ отношеніи дѣла въ греческой языковой области обстоятъ точно такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ,—въ этомъ насъ убѣждаетъ то, что намъ извѣстны фонетическія, морфологическія и др. явленія, общія всѣмъ греческимъ говорамъ. *Это сознаетъ и самъ X.* (см. его Einl. 162, 356 Anm. и проч.) *отличая общегреческія явленія отъ диалектическихъ.*

Не такъ давно X. выпустилъ въ свѣтъ прекрасную статью о греческомъ словообразованіи: В. Z. II 235—287, гдѣ подчеркивается богатство народнаго языка суффиксами. Теперь же, вопреки высказанному тамъ взгляду, онъ подчеркиваетъ «ужасную бѣдность» этого языка (! см. стр. 55) и заступаетъ за аттикитическія тенденціи Кондоса (стр. 63 сл.). Нельзя не признаться, что старанія Психари и его сторонниковъ слишкомъ своеобразны, чтобы они могли рассчитывать на успѣхъ; но такъ ли борются съ подобнаго рода странностями, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 76 и сл.? Читая эти въ высшей степени субъективныя нападенія на «народниковъ», читатель легко можетъ забыть, что они написаны вообще ученымъ. Я рѣшительно отказываюсь понимать слова: «съ точки зрѣнія лингвистики это можно принять, но практически это вполнѣ ошибочно» (стр. 76). Къ чему же вообще существуетъ лингвистика, разъ она не умѣетъ считаться съ практическими требованіями? Странная неприязнь, можно даже сказать—ненависть, ослѣпила Хаджидакиса: нѣсколько смѣшно дѣйствуютъ его оправданія стр. 80, 86, 101 и проч. (...Ich versichere auf Ehrenwort...).... Защищаясь отъ упрековъ Krumbacher'a (Problem 88), X. заявляетъ, что въ греческомъ литературномъ языкѣ не употребляются формы, не принадлежащія ни древне-, ни новогреческому языку (стр. 104). Стоитъ только вспомнить рассказъ G.

Meyer'a, *Essais & Studien zur Sprachgesch. u. Völkerkunde* II, 65, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого утвержденія.

Мы достаточно сказали о недостаткахъ работы извѣстнаго лингвиста. Главная цѣль ея, правда, достигнута: автору удалось доказать, что греческій литературный языкъ—старинное, законное произведеніе греческой культуры (см. стр. 7), но онъ не доказалъ, что всѣ «старинныя и законныя произведенія культуры» обречены на вѣчное существованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же правильно указалъ на то, что греческій языковой вопросъ—вопросъ не научный, а практический и литературный (стр. 5). Именно поэтому рѣшить его можетъ только литература и практика.

М. Фасмеръ.

Ernst Nachmanson. *Laute und Formen der magnetischen Inschriften.* Inaugural-Dissertation, Upsala 1904, XVI+199 стр. 8°.

Хаджидакисъ доказалъ происхожденіе новогреческихъ говоровъ изъ эллинистической Κοινή ¹⁾, Dieterich доказалъ присутствіе въ этой Κοινή большинства фонетическихъ и формальныхъ измѣненій, являющихся характерными признаками новогреческаго языка ²⁾, Thumb доказалъ, что эллинистическій языкъ не столько является продолженіемъ стараго, сколько предвѣстникомъ новаго языковаго развитія, и правильно подчеркнул необходимость основательнаго изученія новогреческихъ говоровъ для правильнаго пониманія эллинистическаго языка ³⁾. Въ то же время началось и изученіе эллинистической діалектологіи: труды E. Schweizer'a ⁴⁾ прекрасно свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ успѣхомъ можно работать въ этой области при знакомствѣ съ новогреческимъ языкомъ. Съ этой же точки зрѣнія мы съ радостью привѣтствуемъ диссертацию молодого шведскаго лингвиста, д-ра Нахмансона. Первый отдѣлъ книги посвященъ источникамъ его работы (стр. 1—18): перечисливъ надписи въ хронологическомъ порядкѣ (стр. 2—9), авторъ затѣмъ касается вопроса о ихъ происхожденіи (9—11); интересенъ его выводъ, что языкъ официальныхъ надписей въ Магнезій не только не отличается консервативностью, но во многихъ отношеніяхъ передаетъ особенности Κοινή лучше, чѣмъ языкъ частныхъ надписей (9); это тѣмъ болѣе интересно, что въ Пергамѣ и въ Египтѣ языкъ официальныхъ документовъ такъ существенно отличается отъ языка частныхъ, что приходится разма-

1) Einleitung i. d. ngr. Gramm. 172—223.

2) Untersuchungen 269—310.

3) Die griechische Sprache i. Zeitalter des Hellenismus 10 sq.

4) Grammatik der pergamenischen Inschriften, Berlin 1898. K. Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften, 3-te Auflage besorgt von E. Schwyzer, Berlin 1900, E. Schwyzer, Die Vulgärsprache der attischen Fluchttafeln, Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum V (1900), 244—262.